

Александр Афанасьев

ПАРАДИГМЫ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ КОСМОС

В литературе последнего времени стала общим местом критика последствий научно-технического прогресса, которая соотносится с обсуждением пределов развития, границ научного, технического и социального творчества, конца истории. Нередки попытки отыскать в прошлом исторические периоды или цивилизации, отличающиеся в своих ценностных ориентирах от современной техногенной цивилизации, что может способствовать построению иной модели существования человечества. Между тем, в истории мысли уже имели место культурные и философские парадигмы, задававшие не прогрессистскую модель научного и социального развития, не отношение к миру как неисчерпаемой кладовой человека-господина природы, а напротив, предполагавшие идеи живого и одушевленного мира, целесообразности, космической гармонии. Среди них важное место принадлежит древнегреческой идее космоса, которую можно рассматривать как культурную парадигму, задававшую и способ повседневной жизни, и образ теоретической мысли. Цель статьи – выявление места древнегреческой парадигмы космоса среди культурных и научных парадигм.

В современной методологической литературе утвердилось понимание парадигмы, предложенное Т. Куном. Он определяет парадигму как «...одно или несколько научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности», причем достижения должны быть достаточно «беспрецедентными, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований», а, кроме того, быть «достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых в их рамках могли найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [6, с. 28]. Более того, «формирование парадигмы... является признаком зрелости развития любой научной дисциплины» [6, с. 30]. Несмотря на неопределенность понятия парадигмы, оно довольно четко фиксирует набор убеждений, ценностей, методов и средств, принятых научным сообществом.

Понятно, что воззрения античных философов и даже довольно целостную систему взглядов Аристотеля научными теориями назвать трудно, в основном вследствие их умозрительности, поскольку они не опирались на опыт так, чтобы можно было извлечь достоверные данные и проверить предсказания. Однако парадигма как образец деятельности не обязательно связана с развитой теорией, в особенности за пределами классической науки. Сам Т. Кун относил к типичной парадигме не только классическую ньютоновскую механику, но и аристотелевскую динамику,

и птолемеевскую астрономию, к которым термин «наука» применим лишь с известными оговорками.

Т. Кун придал понятию парадигмы четко выраженный методологический характер, и оно используется преимущественно в методологической литературе, причем посвященной в большей степени естествознанию. Однако, даже в физике парадигма – это не только методы, но и определенная картина мира, философские установки, мировоззренческие ориентиры и т. д. Уже это дает основания применять понятие парадигмы в других сферах деятельности. Понятие парадигма может применяться и в гуманитарных науках, и даже за пределами науки, например в теологии. Скажем, томистская концепция гармонии веры и разума и формула Тертуллиана «верую, ибо абсурдно» могут рассматриваться как две противоположные парадигмы. Парадигмой может быть назван любой осознанный образец практической и мыслительной деятельности. Признак осознанности отличает парадигму от неосмысленной традиции, которая также может выступать регулятором практической и мыслительной деятельности.

Древнегреческая цивилизация периода становления и развития философии довольно далеко ушла от «традиционной культуры» к более сложной организации, когда унификация поведения людей осуществляется не исключительно на основе неосознанных традиций, а с помощью более сложного механизма – культурных парадигм. Они концентрируют характерные для данной культуры образцы решения интеллектуальных и практических задач, которые в принципе осознаны культурой, хотя в индивидуальной деятельности могут усваиваться неосознанно. В этом смысле парадигмальные культурные механизмы порой действуют автоматически, например, когда наследуются характерные сословные, конфессиональные или национальные модели поведения. Так транслируются в культуре широкая русская душа, немецкая скрупулезность и тщательность, английская чопорность, честное купеческое слово, дворянская государственная ответственность и т. д. Парадигмы возникают и как осознание определенных образцов индивидуальной и групповой деятельности. В искусстве парадигмы образуются профессионально признанными произведениями, называемые шедеврами. Их изучают, описывают, им подражают. Симфонии Бетховена на протяжении второй половины XIX и всего XX веков были образцом симфонической музыки. Тем не менее, в шедеврах-парадигмах практически всегда остается неформализованный, рационально не выраженный, неявный элемент, который усваивается не критически и неосознанно или не замечается современниками и лишь осмысливается потомками. Нередко парадигма поведения или мышления транслируется как миф, притча, нарратив, философская, теологическая

или научная концепция, задающая особый способ понимания мира. Древнегреческая культура дала многообразные примеры парадигм, среди которых особое значение имела парадигма космоса. Известно, что слово «космос» в переводе означает порядок как особое упорядоченное, целостное видение природы.

Именно греки впервые «осмелились взглянуть природе в лицо... Свой разум они противопоставили хаосу на первый взгляд случайных явлений природы» [6, с. 19]. Порядок, космос, вместо хаоса был первой парадигмой, позволившей перейти от мифа к логосу. Впрочем, истоки победы порядка над хаосом можно усмотреть еще в мифологии, где олимпийские боги как олицетворение гармонии побеждают титанов и другие порождения хаоса, устанавливая порядок в мире. Тем не менее, космос как рациональная парадигма сразу включает в себя немифологические компоненты: интенцию на отыскание скрытой, неочевидной причины, преобладание естественного над сверхъестественным, замену антропоморфных образов безличными силами. Все это подчинялось идее гармонии и совершенства, поэтому, например, в астрономии способ движения и форма небесных тел также должны были быть гармоничными и совершенными. Поэтому они представлялись в виде кругов и шаров.

Парадигмальное значение имел замкнутый характер космоса, где в единой гармонической взаимосвязи находились звезды, планеты, государство, человек. Аристотель достаточно последовательно развил пространственные представления о структуре Вселенной как замкнутого мира. Для нас не должно быть определяющим, что в центр мира он поставил Землю, а границей определил небесную сферу, к которой прикреплены неподвижные звезды. Более существенно то, что, исходя из парадигмальной идеи идеальности круговых движений, он расположил планеты («блуждающие звезды»), Луну и Солнце так, что каждая двигалась по своей сфере, составляя полную гармонию и соответствуя наблюдаемым отклонениям, петлям и т. п. Даже отличие земного прямолинейного движения от небесного, делящее мир на подлунный и надлунный, укладывалось в эту гармонию, в особенности с учетом целесообразного устройства космоса и наличия целей у каждого вида движения. Время, как и пространство, также представлялось грекам замкнутым подобно идеальному кругу. Небесный свод совершал свой круговой оборот, и все повторялось: от смены времен года, до смены поколений, когда ничего радикально нового не возникает. Идея внутренней гармонии распространялась и на понимание закона древними греками. «Для них это была внутренняя гармония, так сказать, статическая и незыблемая; это была модель, которой природа старалась подражать» [7, с. 560]. Поэтому прогрессивные изменения не предполагались. Даже

Гераклит, считавший движение основой всего, описывал взаимное превращение как единый процесс возникновения и угасания, «который устанавливал перманентный, а не прогрессивный порядок космоса» [10, с. 15]. Некоторые исследователи даже используют парадоксальную формулу: «древние греки жили не в истории, а в космосе». Имеется в виду отсутствие идеи развития, поступательности, и напротив, особое упорядоченное, целостное видение природы.

Парадигма гармоничного космоса не препятствовала появлению различных моделей мира, предложенных древнегреческой астрономией. Можно вспомнить и геоцентрические модели, представленные Аристотелем, Аполлоном Пергским, Гиппархом, и гелиоцентрические, предложенные Аристархом Самосским, и «промежуточные», разработанные Филолаем, Гераклидом Понтийским.

Общекультурные истоки парадигмы космоса весьма разнообразны. Например, сказались общественно-политическая структура и историко-географическое положение. В частности, отказ от мифологических мотивировок в значительной степени был связан со стремлением придать общезначимый характер объяснительным концепциям в условиях разнообразия религиозных представлений и верований, характерных для ионийских полисов [8, с. 34–35]. Не могли не сказаться повседневные занятия искусством, например музыкой, и разработка теории музыки. Не случайно Пифагор представляет движение планет и светил в особых сферах, которые при вращении производят гармоничные звуки, образуя музыку сфер. С другой стороны, не последнюю роль играла политическая самостоятельность городов-государств, преимущественно демократические формы правления, широкое участие свободных граждан в выполнении общественных функций, необходимость аргументировано выступать в собраниях. Все это способствовало формированию независимого, критичного мышления и порождало разнообразные модели космоса. Тем не менее, бросается в глаза и их парадигмальное единство: гармоничный космос, числовое, геометрическое и музыкальное совершенство его структуры, что предопределило идеал астрономического объяснения на ряд веков. Поэтому пифагореец Филолай заставляет Землю, Солнце, Луну и пять известных тогда планет двигаться вокруг невидимого центрального огня. Этим объясняется и кажущееся движение Солнца вокруг Земли, и кажущееся движение звезд на неподвижном своде. Ученики Филолая, упразднив центральный огонь, помещают вращающуюся Землю в центр космоса, а все другие небесные тела полагают движущимися вокруг нее. Но идея о центральном положении Земли не становится парадигмальной. Ведь главное по-прежнему – гармония космоса и совершенство круговых движений. Идея круговых движений стала настолько убедительной, что до XVII в. не

оспаривалась. Главное для античного космолога, не нарушив гармонии космоса и не погрешив против совершенных круговых движений, расположить планеты и светила так, чтобы объяснялись и иррегулярности в движении светил, и петли звезд, и изменения в блеске планет и др. феномены. Поэтому в модели Евдокса 27 равномерно вращающихся вокруг Земли сфер, в модели Каллиппа их уже 34, а у Аристотеля – 56, что позволяло полнее учесть новые данные. В модели Гераклида Понтийского Земля вращается вокруг собственной оси, а Марс и Венера – вокруг Солнца, которое, в свою очередь совершает годовые обороты вокруг Земли. Гелиоцентрическая система Аристарха Самосского также вполне соответствовала парадигме гармоничного космоса и идеальных круговых движений. Ей соответствовала и геоцентрическая система Птолемея, жившего полтысячелетия позже. В принципе не противоречила ей и гелиоцентрическая система Коперника, с учетом идеи конечности мира и особенно господствовавшей в позднем средневековье идеи воображаемых допущений, не предполагавшей онтологический статус его модели.

Древнегреческая парадигма замкнутого мира, в которую вписывалась и идея локального социального пространства, и идея циклически повторяющегося, или вовсе статичного физического и социального времени, обусловила существование так называемой аристотелевской науки. Становление галилеевской науки было предопределено научной революцией Нового времени, базировавшейся на парадигмальном представлении о линейном, однородном, непрерывном и бесконечном времени и бесконечном однородном пространстве, хотя истоки ее вызревали еще в средневековье. В конце концов, именно это представление способствовало установлению парадигмы прогресса и единой истории. Здесь важно подчеркнуть: если в естествознании возникновение новой парадигмы означает устранение прежней, то в других сферах старые парадигмы сосуществуют с новыми, хотя нередко отодвигаются на обочину теоретической мысли или видоизменяются под воздействием новой парадигмы.

Сосуществование парадигм обуславливает их разнообразное влияние, выходящее за пределы той области знания, где парадигма сформировалась. Можно предположить существование культурного механизма, переносящего парадигмы из одной сферы в другую. Иначе многие открытия выглядят как чудо. Так иногда описывают изобретение фотографии, которая получилась из якобы случайного совмещения знаний о химических реактивах со знанием камеры-обскуры. Однако, как отмечает Р. Архейм, к такому совмещению человечество было готово столетиями раньше. Но фотография появилась тогда, когда она смогла стать помощником в развитии реалистического стиля в искусстве,

привнес характерное чисто механическое навязывание проективного образа физического мира [1, с. 145].

У древних греков техника (techne) была связана не только с ремесленным мастерством, но и с высоким искусством. И ремесленное, и художественное произведение считались продуктами techne. Здесь можно усмотреть влияние парадигмы космической гармонии, которое продолжается и в период Ренессанса. У Леонардо да Винчи живописное полотно и техническое изобретение были однопорядковыми вещами. Лишь начиная с Галилея постепенно преодолевается универсализм Возрождения и прежняя культурная и философская парадигма. Философия, наука, искусство, техника обретают собственные ниши с собственными парадигмами.

Сосуществование различных парадигм наблюдается и внутри разных сфер культуры, например, в искусстве, в частности, в живописи. Аналогичная ситуация – в философии, социологии, культурологии, истории, литературоведении и других областях гуманитарного знания. Здесь сказывается специфика гуманитарного знания, которое, во-первых, задевает не только научные, но и сословные, классовые, национальные интересы, что обеспечивает государственную, идеологическую или иную поддержку разным парадигмам. Во-вторых, гуманитарные теории носят более сложный, многогранный, комплексный характер по сравнению с естественнонаучными, из-за чего требуется множество парадигм. В-третьих, принципиально невозможно в одной теории охватить все разнообразие культурной жизни, поэтому парадигма практической или культурной деятельности не может быть одна.

У историков часто возникает парадигмальная проблема: на какие источники опираться. Многие, в целях лучшего понимания социального или духовного климата, изучают систематизированную мысль интеллектуалов прошедших эпох, например, древнегреческие философские трактаты. Но это отрефлексированная, выговоренная, рациональная область сознания. За ней находится неоформленная, рационально не обработанная сфера: аффективные структуры, навыки мышления и чувствования. Ясно, что адекватная трактовка народных верований и мнений дает точную историческую картину и позволяет понять реальное поведение людей. Но и изучение теоретической мысли античности нельзя игнорировать, ибо и она была основой поведения многих людей, например, диктовала особый, говоря словами Г. Волкова, философский образ жизни [2].

В этом плане в гуманитарном познании нередко приходится иметь дело с парадигмой в парадигме, своеобразной парадигмой-матрешкой. Поведение людей основывается на некоторой парадигме. Объяснение, даваемое исследователями-современниками или летописцами,

основывается на другой парадигме, определяющей их понимание событий своего времени, в частности, поведенческой парадигмы. Исследователь более позднего периода, исходя из парадигмы своего времени, должен учитывать обе предыдущие парадигмы, встраивая их как матрешки в свое объяснение. Игнорирование этой особенности приводит к серьезным ошибкам и искажениям, особенно в историческом познании, например, когда поведению людей прошлого приписываются мысли и чувства, свойственные не им, а современным людям. Последнее часто имеет место в исторических романах и кинофильмах, но нередко встречается и в научных текстах. Против этого предостерегал Г. Гадамер: надо не переноситься в духовную атмосферу того времени и мыслить в его понятиях, а использовать временной интервал для обнаружения предрассудков того времени. Нам надо определить предрассудок, ибо иначе он определяет нас [3, с. 278].

Смена парадигм в естествознании обычно означает прогресс в научных исследованиях: более поздняя парадигма, как правило, является более совершенной. Например, релятивистская механика обладает лучшими объяснительными возможностями по сравнению с ньютоновской парадигмой. В значительной степени это связано с тем, что физический мир как объект приложения естественнонаучных парадигм практически не меняется. Социально-культурный мир как объект приложения гуманитарных парадигм, напротив, изменяется весьма значительно. Поэтому более поздние парадигмы не обязательно оказываются лучшими, так как дают эффект для понимания новых условий, но могут не сработать для объяснения прежних исторических периодов. Объяснительные установки или модели, работающие в одни исторические периоды нельзя автоматически переносить на другие. Например, понимание объекта собственности как способа извлечения прибыли и роста благосостояния, характерное для Европы XIX в., не подходит для античности или средневековья. В этом плане является совершенно неверным критическое отношение к древним, закапывавшим сокровища вместо того, чтобы пустить их «в дело». Ведь тогда личная вещь как бы несла частицу своего обладателя, его достоинства, удачливость. Сокровища нередко закапывали не столько «на потом», сколько для того, чтобы вместе с ними не достались недругам качества их обладателя. Описанная в русской литературе расточительная жизнь дворян, осуждаемая в рамках предпринимательской парадигмы, была способом дворянского существования, вытекающим из дворянского мировоззрения и мироощущения. Предпринимательская парадигма соотносит такую жизнь с ленью, косностью и не в состоянии объяснить дворянского патриотизма, героизма, государственного подхода. Поэтому далеко не всегда нужно разрушать прежнюю парадигму.

Однако в реальной научной практике новая парадигма довольно жестока по отношению к своей предшественнице. Наука и философия, особенно в Новое время, много сил потратили на разрушение парадигмы космоса, в частности, чтобы исключить из научных описаний цель, которая занимала ключевое место в парадигме космоса. Бэкон, Декарт, Спиноза, Ньютон, различая физику и метафизику, исключали конечную причину и цель из природы и соответственно из физики. «Весь род тех причин, которые обыкновенно устанавливают через указание цели, неприменим к физическим и естественным вещам» [5, с. 522]. Устранение принципа целесообразности из естествознания разрушило космическую гармонию и превратило природу в незавершенный механический ряд, не имеющий внутри себя конца и смысла.

Со второй половины XX века цели, ранее исключенные из научных описаний, стали возвращаться в нее. «Постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности» [9, с. 18]. Более того, «только в том случае, если мы вернем рациональности ее изначальное значение, если поймем ее как разум, как смысл, мы сможем положить в основу как наук о природе, так и наук о культуре единое начало, единый принцип целесообразности, преодолев, наконец, их застарелый дуализм» [4, с. 14].

Наивно было бы предполагать возможным «внедрение» древнегреческой парадигмы космоса в современную культуру или ставить под сомнения достижения индустриальной цивилизации с ее парадигмой линейного прогресса. Но нельзя и отвергать прежние идеи «за сроком давности». Отсюда – **вывод**. Парадигмальные идеи целесообразности, нелинейности, космической гармонии и др. не исчерпали своего потенциала и могут быть использованы для понимания современного состояния человеческой цивилизации и построения оптимальной модели будущего.

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства.– М., 1994.
2. Волков Г. Н. У колыбели науки.– М.: Молодая гвардия, 1971.
3. Гадамер Г.-Г. Истина і метод.– Т. 1.– К.: Юніверс, 2000.
4. Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии.– 1991.– №6.
5. Декарт Р. Избранные произведения.– М., 1957.– Т. 1.
6. Кун Т. Структура научных революций.– М.: Прогресс, 1977.
7. Пуанкаре А. Избранные труды.– Т. III.– М., 1974.
8. Рожанский И. Д. Античная наука.– М.: Наука, 1980.
9. Степин В. С. Научное познание и ценности технотронной цивилизации // Вопросы философии.– 1989.– № 10.
10. Уитроу Дж. Структура и природа времени.– М.: Знание, 1984.